

Научная статья

УДК 343.2 + 342.9

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-92-99>

EDN: <https://elibrary.ru/IOEKCK>

НИОН: 2007-0083-4/25-730

MOSURED: 77/27-005-2025-04-930

Правовая природа жилищно-бытового самоуправления: проблемы квалификации и разграничения административной и уголовной ответственности

Анатолий Юрьевич Олимпиев¹, Георгий Алексеевич Надеждин²

^{1,2} Московская академия предпринимательства, Москва, Россия

¹ a.olimpiev@yandex.ru

² nadezhdin.rabota@yandex.ru

Аннотация. Исследованы проблемы правовой квалификации жилищно-бытового самоуправления в Российской Федерации.

Объектом анализа выступает жилищно-бытовое самоуправство как форма противоправного поведения, возникающая в результате конфликтов между соседями по поводу реализации жилищных и смежных прав.

Цель исследования заключается в анализе правоприменительной практики по делам о самоуправстве, выявлении критериев, разграничивающих административную и уголовную ответственность, а также оценке правовых последствий таких действий в жилищной сфере.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: проанализировать действующее законодательство, регулирующее вопросы самоуправления; исследовать судебную практику; рассмотреть примеры жилищных конфликтов, содержащих признаки самоуправления; выявить пробелы в правовом регулировании; определить критерии наличия «существенного вреда» и предложить рекомендации по совершенствованию законодательства.

В работе применены научные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, логико-правовой, а также метод анализа конкретных правоприменительных ситуаций.

Выводы исследования показывают, что жилищно-бытовое самоуправство, как правило, носит комплексный характер, тесно сопряженный с другими правонарушениями в смежных сферах. Ключевым критерием разграничения ответственности является степень общественной опасности и характер наступившего вреда. В ходе исследования подчеркивается необходимость более четкого законодательного разграничения понятий и усовершенствования профилактических механизмов предупреждения подобных деяний.

Ключевые слова: самоуправство, преступное и административно наказуемое самоуправство, жилищно-бытовые конфликты, существенный вред при самоуправстве

Для цитирования: Олимпиев А. Ю., Надеждин Г. А. Правовая природа жилищно-бытового самоуправления: проблемы квалификации и разграничения административной и уголовной ответственности // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 92–99. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-92-99>. EDN: IOEKCK.

Original article

The legal nature of housing and communal self-government: problems of qualification and differentiation of administrative and criminal responsibility

Anatoly Yu. Olimpiev¹, Georgy A. Nadezhdin²

Moscow Academy of Entrepreneurship, Moscow, Russia

¹ a.olimpiev@yandex.ru

² nadezhdin.rabota@yandex.ru

© Олимпиев А. Ю., Надеждин Г. А., 2025

Abstract. The problems of legal qualification of housing and household self-government in the Russian Federation are investigated.

The object of the analysis is housing and household arbitrariness as a form of illegal behavior resulting from conflicts between neighbors over the implementation of housing and related rights.

The purpose of the study is to analyze law enforcement practice in cases of arbitrariness, identify criteria that distinguish between administrative and criminal liability, as well as assess the legal consequences of such actions in the housing sector.

To achieve this goal, the following tasks were set: to analyze the current legislation regulating issues of arbitrariness; to investigate judicial practice; to consider examples of housing conflicts containing signs of arbitrariness; to identify gaps in legal regulation; to determine criteria for the presence of “significant harm” and to propose recommendations for improving legislation.

Scientific methods are used in the work: formal-legal, comparative-legal, logical-legal, as well as the method of analyzing specific law enforcement situations.

The findings of the study show that housing and household arbitrariness, as a rule, is complex in nature, closely related to other offenses in related areas. The key criterion for distinguishing responsibility is the degree of public danger and the nature of the harm that has occurred. The study highlights the need for clearer legislative delineation of concepts and improvement of preventive mechanisms to prevent such acts.

Keywords: arbitrariness, criminal and administratively punishable arbitrariness, housing and household conflicts, significant harm caused by arbitrariness

For citation: Olimpiev A. Yu., Nadezhdin G. A. The legal nature of housing and communal self-government: problems of qualification and differentiation of administrative and criminal responsibility. *Criminological Journal*. 2025;(4):9–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2025-4-92-99>. EDN: IOEKCK.

Жилищно-бытовая сфера как комплекс правоотношений сложна по определению, поскольку она формируется под воздействием норм конституционного, гражданского, административного, земельного, реже уголовного права. Жилищные правоотношения складываются не только между собственниками, нанимателями жилых помещений и членами их семьи, но и между иными гражданами, проживающими в непосредственной близости, а также с государством в лице своих представителей. Однако наибольшее количество конфликтов в жилищной сфере возникает именно между соседями в силу ряда объективных и субъективных причин: разность менталитетов, характеров, взглядов на жизнь, различия в достатке и уровне жизни и т. д. Зачастую такие конфликты сталкивают между собой людей, не подозревавших даже до наступления такового о существовании друг друга, однако же дифференцированность интересов накладывает свой отпечаток. Как правило, подавляющее большинство таких конфликтных ситуаций возникает в связи с фактическим осуществлением гражданами своих жилищных или иных сходных прав, т. е. при реализации описанных прав. В свою очередь, реализация прав может быть осуществлена как в пределах, установленных законом, так и вне таковых, что влечет за собой определенные правовые последствия, разграничивающиеся в зависимости от степени своей общественной опасности, вредности.

В целях настоящей работы необходимо установить, что под жилищно-бытовыми конфликтами понимаются конфликты между соседями относительно реализации своих жилищных или иных смежных прав, в результате которой наступают коллизии интересов граждан, их прав и обязанностей. Под последствиями таких конфликтов следует равно понимать такие правовые последствия, как причинение имущественного вреда, ненасильственного вреда жизни или здоровью, посягательство на основные права граждан, в том числе изложенные в Конституции Российской Федерации, международно-правовых актах. Однако в целях настоящей работы рассматриваются исключительно деяния¹, составы которых не образуют собой иных, более тяжких правонарушений, преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 19.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [1], ст. 330 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2]. Настоящая работа выполнена с применением информационной системы СПС «КонсультантПлюс» [3].

При проведении сравнения диспозиций статей КоАП и УК РФ, устанавливающих ответственность за

¹ Настоящая работа также включает в себя описания иных деяний, совершение которых напрямую связано с самоуправством, однако имеет отличный от него состав и отдельную меру ответственности, предусмотренную в соответствии с законом.

самоуправство, можно прийти к следующему выводу: разграничения составов данных деяний происходит исключительно в зависимости от степени общественной опасности таковых и, следовательно, правовых последствий их совершения, в частности, наличие или отсутствие реального вреда в результате совершения самоуправных действий. Рассматривая указанные нормы в совокупности, необходимо установить общее определение самоуправства, под которым следует понимать самовольное осуществление лицом своих предполагаемых или действительных прав, совершенное с нарушением установленного законом порядка, без обращения в уполномоченные органы, и сопряженное с нарушением общественного порядка, ущемлением прав и законных интересов других лиц, а в отдельных случаях – с причинением существенного вреда. Схожее определение таким деяниям дает в своей кандидатской диссертации С. В. Артюшкина, обращая также внимание на общественно-социальную значимость такого явления, как самоуправство [4]. Полагаем целесообразным согласиться с мнением приведенного автора, однако равно считаем, что наибольшую значимость имеют два ключевых фактора: определение деяния как непосредственно самоуправства вне зависимости от его дальнейшей квалификации и квалификация его в соответствии с положениями КоАП РФ, УК РФ. Именно этим вопросам, в большей степени, посвящена данная работа.

При исследовании правовой природы самоуправства в сфере жилищных правоотношений необходимо, в первую очередь, отграничить такое деяние от иных, имеющих состав преступления, в частности, от вымогательства (ст. 163 УК РФ) или присвоения и растраты (ст. 160 УК РФ), поскольку в основе таких преступлений лежит корыстный мотив присвоения чужого имущества преступным путем в связи с чем выявляется несоответствие критериям, предусмотренным для определения деяния, как самоуправства, которое является самостоятельным преступлением в соответствии с уголовным законом. Объективной стороной как уголовно, так и административно наказуемого деяния выступают действия, выражаемые в самовольном осуществлении предполагаемых или имеющихся у лица гражданских прав в нарушение установленного порядка их реализации с появлением существенного вреда в результате таковых, согласно УК РФ, или без такового, согласно КоАП РФ. Аналогичную позицию относительно дифференциации самоуправства и иных наказуемых общественно вредных/опасных деяний выразил Верховный Суд Российской Федерации [5, абз. 2 п. 26].

Под действительным или предполагаемым гражданским правом, осуществляемым лицом с наруше-

нием закона, можно понимать достаточно обширное количество спорных правоотношений, в том числе в жилищной сфере. Однако стоит установить, что определенные действия граждан, пусть и совершаемые вопреки закону, самоуправством все же являться не будут в силу положений ч. 1 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [6], согласно положениям которой не допускаются: осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, т. е. злоупотребление правом. В данном случае необходимо руководствоваться объективными обстоятельствами при квалификации таких деяний: существуют ли в таком деянии, пусть даже умышленном и виновном, вмешательство или попытка такового в порядок управления, определенный законодательством, где под порядком управления стоит понимать публично-правовые интересы, не перетекающие однако в уголовно-правовую плоскость.

Если обращаться непосредственно к правоприменительной практике, то в сфере жилищных правоотношений самоуправство, зачастую, не является единственным наказуемым деянием, а существует в совокупности с иными подобными. Например, в г. Москве гр-ка Р. самовольно перекрыла водоснабжение своим соседям, гр-ке и гр-ну П., посредством внесения изменений в водоразборный узел холодного водоснабжения (далее – ХВС), т. е. совершила самовольное переустройство в нарушение положений ч. 1 ст. 25 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) [7]. Рассматривая такую ситуацию как пример самоуправства в жилищно-бытовой сфере, необходимо установить следующие обстоятельства: совершение описанного деяния не является исключительно самоуправством, поскольку находится в тесной взаимосвязи с иными нормами административного, жилищного законодательства. Так, проведение незаконного переустройства жилого помещения или инженерных сетей в таковом запрещено ст. 26, 29 ЖК РФ, а равно ответственность на физических лиц за совершение описанного возлагается в соответствии с ч. 2 ст. 7.21 КоАП РФ и влечет наложение административного штрафа в размере от двух до двух с половиной тысяч рублей. Также гр-ка Р. должна быть подвергнута административному наказанию за самоуправство в соответствии со ст. 19.1 КоАП РФ. Настоящая ситуация, имевшая место в г. Москве в 2024 г., демонстрирует, что в жилищно-бытовой сфере самоуправство, как правило, не существует как отдельное и единичное правонарушение, а формирует совокупность с иными аналогичными.

Если раскрывать состав описанных правонарушений, то можно предположить следующее: субъектом правонарушения в данной ситуации является гр-ка Р. – физическое вменяемое лицо, достигшее возраста привлечения к административной ответственности, в то время как объектом правонарушения выступают общественные отношения в сфере обеспечения жилищных прав граждан, в частности – гарантированное водоснабжение и порядок переустройства жилых помещений и инженерных систем. Объективная сторона выражается в конкретных действиях: самовольном перекрытии водоснабжения соседям (гр-ке и гр-ну П.) и внесении изменений в водоразборный узел ХВС, что нарушает ч. 1 ст. 25, ст. 26 и 29 ЖК РФ и ч. 2 ст. 7.21 КоАП РФ, а также содержит признаки самоуправства, предусмотренного ст. 19.1 КоАП РФ. Субъективная сторона представлена виной в форме прямого умысла, так как гр-ка Р. осознавала противоправный характер своих действий и желала их совершения, действуя из личных побуждений без учета законных прав и интересов соседей.

Квалифицируя приведенное деяние как административно-правовое самоуправство, необходимо упомянуть, что такая оценка может быть дана правоприменителем только в случае незначительности вреда, причиненного потерпевшим лицам и при отсутствии в его составе общественной опасности, но с наличием общественной вредности такового. Однако, полагаем, стоит рассмотреть следующий вопрос: какой именно вред может быть признан существенным для определения самоуправства как преступного, поскольку обзоры судебной практики или разъяснения по данному предмету в настоящий момент отсутствуют.

Ст. 330 УК РФ содержит формулировку «существенный вред», который является основным критерием при выявлении уголовно-правовой природы самоуправства, однако пояснение или толкование, данное в установленном законом порядке относительно определения существенности вреда, отсутствует. Из чего следует вывод, что обращаться необходимо к доктринальному толкованию и судебной практике по делам о самоуправстве, поскольку существенность вреда имеет оценочный характер и определяется в индивидуальном порядке на основе фактических обстоятельств каждого конкретного дела. Отметим также, что вред может быть как материальным, включающим в себя имущественный вред и вред жизни и здоровью граждан, а также нематериальным, причиняемым в виде непосредственной дезорганизации и подрыва порядка управления, нарушения, ущемления основных конституционных прав или общечеловеческих прав, закрепленных нормами международного права. Рассмотреть имеющуюся на данный момент судебную

практику относительно применения ст. 330 УК РФ считаем целесообразным на примере анализа двух уголовных дел, находившихся в производстве кассационных судов общей юрисдикции.

В одном из дел две женщины были признаны виновными в самоуправстве, однако освобождены от наказания в связи с истечением сроков давности. Приговор был оставлен в силе апелляционной инстанцией. Суть происшествия заключалась в том, что женщины, вместо обращения в компетентные органы для защиты прав потребителя, самостоятельно изъяли у мастера маникюра 18 флаконов гель-лака на сумму 10 720 руб., пытаясь таким образом вернуть деньги за оказанную услугу. Это привело к тому, что потерпевшая временно лишилась возможности работать, что суд расценил как причинение значительного вреда. Тем не менее, кассационный суд признал деяние малозначительным, указав, что потерпевшая не была существенно ограничена в профессиональной деятельности, поскольку материалы были возвращены в тот же день. В итоге дело было прекращено за отсутствием состава преступления по ч. 1 ст. 330 УК РФ [8].

В другом случае гражданин был осужден по ч. 1 ст. 330 УК РФ за самоуправство, выразившееся в том, что, пытаясь самостоятельно вернуть невыплаченную зарплату, он без разрешения забрал из офиса компании ноутбук стоимостью 9839 руб. Уже спустя час устройство было передано в полицию. Суды первой и апелляционной инстанций сочли, что действия нарушителя нанесли существенный вред, в том числе из-за временной утраты доступа к служебной информации и посягательства на право собственности. Однако кассационный суд отменил их решения, указав на малозначительность инцидента. Суд отметил, что материальный ущерб был минимальным, ноутбук быстро возвращен, а доказательств существенного вреда обществу или государству представлено не было, что исключает признаки преступления [9].

Общим в обоих делах является то, что действия осужденных изначально были квалифицированы судами первой и апелляционной инстанций как самоуправство, повлекшее существенный вред, однако кассационные суды пришли к противоположному выводу и признали эти деяния малозначительными. В обоих случаях лица, не прибегая к установленному законом порядку защиты прав, самостоятельно изъяли чужое имущество с целью компенсации предполагаемого ущерба – в одном случае за некачественные услуги, в другом – за невыплаченную заработную плату. Однако предметы были возвращены потерпевшим в кратчайшие сроки (в тот же день), что существенно повлияло на правовую оценку содеянного. Вывод о малозначительности, как полагается, основан

не столько на факте возврата имущества, сколько на непродолжительности его незаконного удержания и отсутствии реального существенного ущерба для потерпевших, общества или государства. Таким образом, кассационные суды исходили из принципа соразмерности вреда и степени общественной опасности, которая в указанных ситуациях не достигала уровня, необходимого для признания деяния преступлением по ст. 330 УК РФ.

Указанные примеры хоть и не лежат в плоскости жилищно-бытовых отношений, однако демонстрируют сложность квалификации деяния как преступного самоуправства, поскольку в отсутствие четкой градации существенности вреда такая категория является оценочной, что подтверждает первоначальный тезис и из чего следует вывод о необходимости четкого определения такой категории во избежание негативных правовых последствий.

В жилищно-бытовой сфере случаи самоуправства, как административного, так и уголовно наказуемого, нередко связаны с попытками граждан самостоятельно урегулировать споры, игнорируя установленный законом порядок, как было указано в приведенном ранее примере гр-ки Р. Наиболее типичными примерами являются самовольные отключения коммунальных услуг, перекрытие доступа к общему имуществу, самовольное переустройство помещений или изменение инженерных систем без согласования с уполномоченными органами. Таким образом, анализ правоприменительной практики подтверждает, что жилищно-бытовое самоуправство, как форма противоправного поведения, представляет собой сложный правовой феномен, часто сопряженный с иными правонарушениями в смежных отраслях законодательства. Это требует от правоприменителей не только внимательной правовой квалификации деяний, но и учета конкретных обстоятельств каждого случая, степени причиненного вреда, мотивации нарушителя и правовой природы ущемленных интересов. В условиях тесного сосуществования граждан в многоквартирных домах и иных жилых образованиях значимость таких конфликтов возрастает, поскольку любое неправомерное вмешательство в сферу чужих жилищных прав может нарушить устойчивость социальных связей и правовую безопасность соседского сообщества.

Социальная природа конфликтов, в том числе возникающих между соседями, обусловлена объективными условиями совместного проживания в рамках ограниченного пространства и пользования общим имуществом, что порождает необходимость постоянного взаимодействия лиц, обладающих различными социально-культурными установками, уровнем правовой культуры и понимания личных и коллектив-

ных интересов. Такие конфликты, как правило, носят затяжной, кумулятивный характер, развиваются по мере накопления взаимных претензий и, несмотря на их первоначально бытовую форму, могут перерасти в правовые споры, сопровождающиеся обращением к мерам административного или даже уголовного воздействия. Следует подчеркнуть, что природа данных конфликтов лежит, прежде всего, в плоскости нарушения баланса между осуществлением прав одного лица и правами другого, в том числе нарушения принципа добросовестности и разумности, закрепленного в ст. 1 ГК РФ. При этом не каждое действие, вызывающее недовольство другой стороны, может быть квалифицировано как противоправное; важно установить, нарушаются ли при этом установленные нормы порядка пользования жилыми помещениями, режим тишины, санитарные и иные обязательные требования, либо имеет место злоупотребление субъективным правом, прикрывающее заведомо недобросовестное поведение. Таким образом, при анализе подобных ситуаций следует исходить из комплексной оценки обстоятельств дела, учитывая не только правовую составляющую, но и социальный контекст, в котором разворачивается конфликт, с целью недопущения неправомерного вмешательства в сферу личной автономии граждан при одновременном обеспечении стабильности жилищных правоотношений.

Рассматривая настоящую проблему в разрезе социально-психологического подхода, необходимо, полагая, учитывать особенности социальной среды проживания граждан, поскольку причины и последствия таких конфликтов могут находиться вне рамок правового поля. Обращаясь к исследованиям в области социологии, стоит рассмотреть целесообразность и допустимость применения теории, выдвинутой М. Дойчем [10], экстраполируя таковую на описанные ранее конфликты: теория кооперации и конкуренции объясняет, что восприятие ситуации как конкурентной или кооперативной влияет на характер взаимодействия между индивидами. В контексте соседских отношений, если жильцы воспринимают друг друга как конкурентов за ресурсы (например, парковочные места или использование общих пространств), это может привести к усилению конфликтов.

Дополнительно, концепция «силы слабых связей» М. Грановеттера подчеркивает важность даже минимальных социальных контактов между соседями для формирования доверия и предотвращения конфликтов [11]. Слабые связи, такие как краткие разговоры или приветствия, могут играть ключевую роль в снижении напряженности и укреплении социальной сплоченности в многоквартирных домах.

Таким образом, эффективное управление сосед-

скими конфликтами требует учета как структурных факторов, таких как жилищное неравенство, так и психологических аспектов восприятия и взаимодействия между жильцами. Применение комплексного подхода, объединяющего социологические и психологические теории, может способствовать более глубокому пониманию и успешному разрешению подобных конфликтов. Применение изложенных или иных схожих социо-психологических теорий в области конфликтологии может позволить, полагаем, снизить количество правонарушений, подлежащих квалификации как самоуправство, в особенности в жилищно-бытовой сфере, поскольку зачастую такие правонарушения возможно устранить банальной беседой: профилактической – с представителем исполнительной власти или частной – с соседом, что позволит в дальнейшем избежать правовых последствий или эскалации ситуации.

Основываясь на актуальных данных судебной практики, согласно информации, размещенной на портале Агентства правовой информации (далее – АПИ) [12], в 2024 г. за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 330 УК РФ было осуждено 157 человек: в отношении 52 из которых применено наказание в виде штрафа, 29 приговорены к исправительным работам, 32 приговорены к обязательным работам, к 3 применены специальные меры как к невменяемым. По ч. 2 ст. 330 УК РФ статистика следующая: 199 человек осуждены, из которых 37 лишены свободы, 97 получили наказание в виде условного лишения свободы, к 2 применены меры по ограничению свободы, 3 человека подвергнуты уголовному штрафу, по 2 человека приговорены к исправительным и принудительным работам соответственно, специальные меры по отношению к невменяемым применены в отношении 3 человек. Итого: за 2024 г. по ст. 330 УК РФ осуждено 356 человек, из которых 5 оправдано.

Настоящая статистика подтверждает, что особой угрозы обществу подобные преступления не несут, поскольку не являются тяжкими преступлениями, однако они имеют большую общественную вредность вне зависимости от степени общественной опасности, поскольку такие деяния, как правило, подрывают общественные отношения и нарушают жизнедеятельность значительных групп населения. Из представленного мы предполагаем сделать следующий вывод: для предотвращения таких преступлений необходимо усиливать профилактическую работу на уровне муниципалитетов и приравненных к ним административных образований, поскольку именно на плечи таких органов власти, зачастую, ложатся последствия таких преступлений и правонарушений, не говоря, разуме-

ется, о дополнительной нагрузке на органы внутренних дел. Также полагаем, что усиление работы по повышению правовой культуры общества и юридическому просвещению населения будет способствовать снижению количества таких преступлений и аналогичных им правонарушений, поскольку многие из таковых связаны, в первую очередь, с непониманием или добросовестным заблуждением относительно дозволенных границ реализации своего права.

Однако рассматриваемая проблема имеет характерную особенность, которая лежит вне уголовно-правового и административно-правового регулирования: защита или восстановление, а равно и признание оспариваемых, нарушенных в результате самоуправства, мнимого или реального, в порядке гражданского судопроизводства, поскольку незначительность ущерба и действительно количество таких правонарушений или гражданско-правовых проступков создают значительную нагрузку на судебную систему, что мы и считаем наибольшей проблемой, а равно предлагаем больше исследовать с научной точки зрения для выработки последующих практико-методических рекомендаций.

Резюмируя, представляется необходимым не только совершенствование правоприменительной практики, но и профилактика жилищно-бытового самоуправства посредством правового просвещения населения, развития механизмов досудебного урегулирования конфликтов и повышения доступности консультационной помощи. Кроме того, целесообразно рассмотреть вопрос о введении в законодательство более детализированной градации самоуправных действий в зависимости от характера нарушенного права и формы вины нарушителя, что позволило бы снизить количество спорных ситуаций при квалификации правонарушений и повысить эффективность правозащитной деятельности в данной сфере, а равно полагаем необходимым увеличивать количество теоретических изысканий в данной области.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 7 апреля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 1.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 21 апреля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 25. Ст. 2954.
3. URL: <https://www.consultant.ru>
4. Артюшкина С. В. Самоуправство: теоретиче-

- ские и правоприменительные аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».
 - Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (с изм. от 31 октября 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
 - Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
 - Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29 ноября 2022 г. № 77-6112/2022. Приговор: по ч. 1 ст. 330 УК РФ (самоуправство). Постановление: приговор отменен, уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления // СПС «КонсультантПлюс».
 - Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 7 ноября 2023 г. № 77-5212/2023 «О прекращении уголовного дела, в связи с отсутствием события преступления или отсутствием в деянии состава преступления» // СПС «КонсультантПлюс».
 - Дойч М. Теория кооперации и конкуренции. М. : Академический Проект, 2004. С. 23–45.
 - Granovetter M. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. No. 6. P. 1360–1380.
 - URL: <http://api-press.pf>.
 - fraud, embezzlement and embezzlement» // LRS «ConsultantPlus».
 - The Civil Code of the Russian Federation (Part one) of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended. dated October 31, 2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
 - Housing Code of the Russian Federation No. 188-FZ dated December 29, 2004 (as amended and supplemented, intro. effective from March 1, 2025) // LRS «ConsultantPlus».
 - Resolution of the First Court of Cassation of General Jurisdiction dated November 29, 2022 No. 77-6112/2022. Verdict: under P. 1 of Art. 330 of the Criminal Code of the Russian Federation (arbitrariness). Resolution: the verdict was overturned, the criminal case was terminated for lack of evidence of a crime // LRS «ConsultantPlus».
 - Resolution of the First Court of Cassation of General Jurisdiction dated November 7, 2023 No. 77-5212/2023 «On termination of the criminal case due to the absence of a crime event or the absence of corpus delicti in the act» // LRS «ConsultantPlus».
 - Deutsch M. Theory of cooperation and competition. М. : Academic Project, 2004. P. 23–45.
 - Granovetter M. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. No. 6. P. 1360–1380.
 - URL: <http://api-press.pf>.

References

- Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended dated April 7, 2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1. P. 1. Art. 1.
- Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended dated April 21, 2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. No. 25. Art. 2954.
- URL: <https://www.consultant.ru>
- Artyushkina S. V. Arbitrariness: theoretical and law enforcement aspects: abstract of the diss. ... candidate of legal sciences. Saratov, 2012.
- Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017 No. 48 «On judicial practice in cases of

Библиографический список

- Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
- Горбунова Л. В. К вопросу об определении наличия состава самоуправства // Марийский юридический вестник. 2015. № 4 (15). С. 67–70.
- URL: <https://ru.m.wikipedia.org/>

Bibliographic list

- The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25.
- Gorbunova L. V. On the issue of determining the presence of arbitrariness // Mari Legal Bulletin. 2015. No. 4 (15). P. 67–70.
- URL: <https://ru.m.wikipedia.org/>

Информация об авторах

А. Ю. Олимпиев – профессор кафедры психолого-педагогических и правовых дисциплин Московской академии предпринимательства, кандидат юридических наук, доктор исторических наук, профессор;

Г. А. Надеждин – студент 4-го курса по направлению подготовки «Юриспруденция» факультета экономики, управления и права Московской академии предпринимательства.

Information about the authors

A. Yu. Olimpiev – Professor of the Department of Psychological, Pedagogical and Legal Disciplines of the Moscow Academy of Entrepreneurship, Candidate of Legal Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor;

G. A. Nadezhdin – 4th year student in the field of Law of the Faculty of Economics, Management and Law of the Moscow Academy of Entrepreneurship.

Вклад авторов:

Г. А. Надеждин – разработка и реализация концепции исследования, непосредственное написание, исследование научной и практической литературы, сбор, обработка статистических данных, формирование выводов научной работы, определение методологии исследования.

А. Ю. Олимпиев – общенаучное руководство во время проведения исследования, выработка рекомендаций и практических советов по написанию работы, внесение редакционных правок и коррективов на завершающем этапе исследования.

Contribution of the authors:

G. A. Nadezhdin – development and implementation of the research concept, direct writing, research of scientific and practical literature, collection, processing of statistical data, formation of conclusions of scientific work, definition of research methodology;

A. Y. Olympiev – general scientific guidance during research, development of recommendations and practical advice on writing work, making editorial edits and adjustments to the final stage of the study.

Статья поступила в редакцию 03.06.2025; одобрена после рецензирования 09.06.2025; принята к публикации 16.06.2025.

The article was submitted 03.06.2025; approved after reviewing 09.06.2025; accepted for publication 16.06.2025.